

ВТО САМОЕ время, когда Анна Франк вела свой ставший потом широко известным дневник, за многие сотни километров от нее, в оккупированном фашистами Вильнюсе, другая девочка, Маша Рольникайте, почти однолетка Анны, тоже записывала свои переживания, наблюдения, мысли... Как скажет потом Эдуардас Межелайтис: «Ее дневник — это ее непокоренная душа. Ее дневник — одна из ужасных страниц истории XX века, написанная кровью. Это не беллетристика. Это подлинный документ, где конспективно изложены муки человека и его великое упорство, трагизм и героизм. И, наконец, это документальное обвинение тем, кто ответственен за убийства невинных людей, за зверства...».

Повесть «Я должна рассказать», кроме нашей страны, вышла в ГДР, Болгарии, Польше, Чехословакии, Франции, Голландии, Швеции, Японии — всего на восемнадцать языках. Затем появились книги: «Три встречи», «Привычки к свету», «Долгое молчание», которые объединяет все та же жгучая тема, все то же пронзительное чувство: ненависть к фашизму.

Антифашистская литература занимает главное место и в библиотеке Марии Рольникайте. Рядом с книжными полками — пишущая машинка...

— Мария Григорьевна, давайте попытаемся разобраться, понять для себя: как девочка оказалась способной вынести все это! Откуда брались силы, чтобы выдюжить в такой неравной борьбе!

— Как ответить на такой вопрос... Ведь мне теперь самой иногда кажется, что всего этого не могло быть, что там была не я... Страшные дни в вильнюсском гетто. Потеря мамы, брата, сестры. Концлагерь Штраценгоф, потом другой — Штудгоф... Может, силы придавало именно то, что вела записи? Сейчас об этой книге, случается, говорят разные красивые слова, даже называют «подвигом», а ведь для меня тогда, пожалуй, это прежде всего было выражением чисто детского, упрямого желания: пусть люди узнают, какие фашисты на самом деле! Да, сначала писала по привычке, как школьный дневник, а потом появилась вполне осознанная цель: эти выродки именуют себя освободителями Европы, рыцарями XX века, так пусть все узнают, какие это «рыцари»... В моем сознании оживала карта мира: ведь существует страна, где всего этого ужаса нет, и люди там будут жить после войны!.. Ах, это магическое, волшебное, почти нереальное «после войны»... Как хотелось дожить до той поры, но только чтобы люди обязательно узнали всю правду про это время...

— А смертельная опасность подобного занятия! Ведь найдут гитлеровцы хотя бы один листок — и неминуемо смертная казнь...

— Конечно, опасно, но, поверьте, в четырнадцать лет это не так осознанно страшно, тем более, что все равно же убивали — просто так, ни за что... Как могла, прятала листки — например, в обувь. В лагере бумага, естественно, не было, но мы работали на стройке, а там валялись мешки из-под цемента — на обривках мешков и писала. Заучивала дневник наизусть — на случай, если придется его уничтожить. Пожалуй, вот эта постоянная потребность писать сделала меня нужной людям: помните — в принудительном «концерте», затаенном начальником лагеря, я читала свою устную газету «Женский экспресс», которая представляла собой горькую улыбку по поводу наших лишений. Таким образом, «концерт» превратился в вызов. А потом весь лагерь пел написанный мною «Штраценгофский гимн», и это тоже было моим вкладом в общее дело, тоже толкала людей к саботажу рабской работы, к тайному празднованию 1 Мая — в общем, к борьбе.

— Вы вспомнили о лагерьном «гимне», а мне подумалось, что музыка в той вашей жизни вообще значила немало, что и в ней вы находили поддержку, опору, особенно — в Бетховене...

— Его Шестая симфония очень мне нравилась с детства, а там, в застенках, силы придавала Девятая — особенно, когда наш хор пел финал, оду Шиллера «К радости»: «Обнимитесь, миллионы! Все люди — братья...» Гитлеровцы не понимали, почему в эти мгновения у нас так блестяли глаза: текст оды им не был известен...

— Спустя многие годы меня радушно принимали в ГДР, и на торжественном вечере в честь гостей, в частности, был исполнен именно этот отрывок из Девятой симфонии

хороший писатель Казис Бинкис. Тяжело больно, он отказался сотрудничать с оккупантами. Пришел коллега: «Казис, напиши статью в газету — и у тебя будет все: еда, лекарства...» Бинкис его выгнал. Понимая, что обречен, писатель отдал свой паспорт, чтобы уберечь узника. А его жена, Софья Бинкене, с другими женщинами спасала приговоренных к смерти, особенно ребятишек — русских, украинских, белорусских, литовских, которых гитлеровцы увозили в Германию. Вы, наверное, не знаете, что именно она спасла от фашистского рабства маленького Камо Гинкаса, который теперь стал известным театральным режиссером... Так поступали многие. Но были и другие, которые

лучший приговор. Газета сообщила: какой-то американский турист, оказавшийся в тот день в городе Граце, хотел купить жене цветы и не смог: все цветы закупили бывшие эсэсовцы для встречи после суда Мурера. А ведь я хорошо помнила этого палача, в моем дневнике ему посвящены многие страницы. Так детское желание — «чтобы люди не забыли!» — возродилось с новой силой, и я подготовила книгу к печати...

— Хватает сил сейчас возвращаться туда, где все это происходило!

— Пока жила в Вильнюсе, каждый год, 24 сентября, шла в воротах, где меня всегда разлучили с родными: нас, тысячу семсот молодых девушек, отобрали для работы,

более очевидно в связи с делом «мясника Лиона» Клауса Барбье... Поэтому снова и снова рассказываю людям, особенно молодым, о прошлом — во имя того, чтобы это страшное прошлое никогда не стало их будущим. Как это ни парадоксально звучит, но страдания человека чему-то учат: он взрослеет, закаляется... Разве забыть, например, как слушали меня на заводе «Электрик», а потом все спрашивали участливо о здоровье... Однажды после такого выступления подходит седой человек: «Я капитан дальнего плавания. Был узником Маутхаузена, но вспомнить об этом не могу. Слабонервный, но не могу. А как можете вы?» Ответила, что тоже не могу, но есть такое железное слово — НАДО.

— Вероятно, впервые прочитав «Дневник Анны Франк», поразились сходству ваших судеб!

— Когда критики называют меня «советской Анной Франк», испытываю смущение, потому что как будто приобщаюсь к ее известности. Французские издатели даже дали к моей книге подзаголовок: «То, чего не могла рассказать Анна Франк». Да, нас объединяет возраст, но мы же были в совершенно разных условиях. Анна Франк жила в заточении, не выходя из своего убежища, поэтому в ее дневнике мало событий, больше личных переживаний. Она паразитально передает свой внутренний мир, свои ощущения, мне же было совсем не до этого. Я не особенно углублялась в личные переживания, потому что прежде всего стремилась с максимальной точностью воссоздать гитлеровскую реальность...

Приехав в Амстердам, конечно, пришла и в комнату Анны Франк, где на стене — приклеенные ее рукой фотографии киноартистов и географическая карта, на которой девочка цветными булавками отмечала положение на фронте...

— Были ли за рубежом встречи, когда вы с особой остротой ощутили необходимость своего дела, своей борьбы?

— Несколько лет назад в составе группы советских сторонников мира я приняла участие в поездке по странам Балтийского бассейна. Особенно запомнилась встреча в Гамбурге: местные антифашисты, приветствуя нас, скидывали съехавшие кулаки: «Рот фронт!», поднимали алые знамена, пели «Интернационал», а совсем неподалеку неонацисты устроили шумное собрание в честь своего тогдашнего главаря фон Таддена... И снова я очень отчетливо поняла, насколько необходимо для людей наше дело... И еще остро почувствовала это, придя в Париже, на кладбище Пер-Лашез, к могиле моего дяди. Мишель Рольникас был коммунистом, дружил с Морисом Торезом. Гитлеровцы схватили и расстреляли его в сорок первом, 19 сентября. Перед казнью дядя написал жене: «Мне тридцать три года. Пуля пронзит сердце, но не сможет убить идею...» Он мужественно встретил смерть: попросил, чтобы с рук сняли кандалы, а с глаз — повязку, запел «Интернационал» — обо всем этом рассказывал в своей статье Луи Арагон... Так что счет с фашизмом у меня большой...

— Часто пишут вам читатели!

— Писем много, добрых и очень искренних. Вот совсем недавно получила солдатскую весточку с такой концовкой: «Вы пишете, а мы будем делать свое дело — защищать Родину...»

— О чем же будущая книга!

— Это будет цикл маленьких новелл, написанных в совершенно иной тематике и тональности, чем раньше, но вояна в них все равно влетается...

— Не уйти от этого!

— Не уйти, хотя вспоминать пережитое мучительно. Да, мучительно, но надо. Необходимо...

ЧТОБЫ ЛЮДИ НЕ ЗАБЫЛИ!

Воскресный гость «Смены» — писатель-антифашист Мария Рольникайте

Бетховена. Помню, слушала словно оглушенная, ногти впились в ладони, в голове — одна мысль: из тех, с кем пела в те страшные дни, никто, кроме меня, до освобождения не дождался... Друзья из Эрфурта преподнесли мне все бетховенские симфонии...

Да, музыка очень нас поддерживала... Когда выпадала возможность, тихо-тихо пели, например, «Вечерний звон». Представьте только, какой совсем особый смысл открывался для узников в этой старинной песне: «Вечерний звон, вечерний звон... Как много дум наводит он — о юных днях в краю родном, где я любил, где отчий дом...» Или другой куплет: «Уже не зреть мне светлых дней весны обманчивой моей... И сколько нет теперь в живых тогда веселых, молодых...» Песня придавала силы, помогала одолеть тоску, муку — в общем, не опуститься. Палачи нас терзают, а мы назло им поем! Садисты лишают нас воды для умывания, а мы назло им моемся снегом! Поверьте, в тех обстоятельствах это тоже значило много.

— Фашизм — это зло страшное и явное. Однако в ваших книгах постоянно присутствует мысль и о другом зле — о равнодушии. Носители его сами других не убивали, но, стараясь быть в стороне, молча предавая, таким образом все-таки становились убийцами. Пожалуй, эта тема — расчетливого практицизма, преступного равнодушия — выходит за чисто «военные» рамки и очень злободневна сегодня...

— Увы, злободневна. Считаю, что равнодушие после активного зла — самая страшная человеческая черта. Помните учителя Йонайтиса из моего дневника? Он в самое страшное время протянул нашей семье руку помощи, да и не только нам одним: например, отдал всю свою зарплату для выкупа заложников. Надеялся: может, его деньги спасут хоть одну человеческую жизнь? Генрикас Йонайтис и сегодня для меня и сестры — самый близкий человек: в трудные минуты этот семидесятилетний ученый, заведующий кафедрой Вильнюсского университета, каким-то непостижимым образом умеет оказывать рядом, помочь, поддержать...

Другой пример. У нас был

сразу же предпочли уйти в сторону: «А почему я?» Конечно, очень трудно ради другого рисковать своей жизнью — для этого нужен характер. Не могу обвинить человека, если речь идет о ТАКОМ риске. Но ведь как часто бывает: человек равнодушен в малом, когда его благополучию ничто не грозит. Зачем решаться на честный поступок, если «мне так проще» — вот это умение отстраниться от чужой беды ужасно. Как говорит дедушка Стрелис в моей повести «Привычки к свету»: «Если еще успокоить себя, что ничего плохого оттого, что ты не помогаешь, не случится — кто-нибудь другой наверняка поможет, — то и вовсе можно себя считать хорошим человеком...»

— Почему же на публикацию своего дневника вы решились лишь спустя почти два десятилетия после описываемых событий!

— Сразу после возвращения в Вильнюс все сохранившиеся листочки переписала начисто. Но тогда я была очень больна, весила тридцать восемь килограммов, еле передвигала ноги... Чуть-чуть подправилась и пошла работать. Нужно было заканчивать школу — остро это понимала, но испытывала чувство двойственного. Частично оно отражено в переживаниях Норы из повести «Привычки к свету»: «Зачем идти в школу? Чтобы знать, сколько «а» плюс «b» в квадрате? Что из того, что моя мама кончила консерваторию, знала французский и немецкий язык. А тот, который ее угнал, еле умел расписаться. Но у него в руках был автомат. И это все! Автомат!..» Я тоже так терзалась. Потом решила... Закончила вечернюю школу, заочно — Литературный институт, писала пьесы, перевела с русского на литовский, в том числе и ленинградцев... А тут, в конце пятидесятых годов, стали доноситься особо тревожные вести о возрождении нацизма. Выяснилось, что двадцать две тысячи крупных нацистских преступников — на свободе, среди которых и уполномоченный кровавого гитлеровского гестапо в Вильнюсе, садист и убийца Франц Мурер, и его преемник Киттель, и еще одна омерзительная для моих земляков фигура — Вейс... Стало известно, что суд на Мурером в Австрии превратился в фарс, убийцы вынесли оправдатель-

а всех остальных отправили в Освенцим. Дня гибели мамы, братика и сестренки не знаю... Да, я уже старше своей мамы... Очень тяжелый был день рождения в тот год, когда стала старше мамы... А вообще-то у меня есть и второй день рождения — 10 марта 1945 года, когда советский солдат вбежал в сарай, где я, обессиленная, лежала на соломе, и обнял меня: «Не плачь, сестрица, мы тебя больше в обиду не дадим...» Если оказываюсь в Риге, непременно иду к зданию, в котором был концентрационный лагерь, — и, кажется, снова вижу ту проклятую надпись над воротами: «Вы не живете, чтобы работать, а работаете, чтобы жить»... А вот в Штудгоф не решилась поехать, не смогла...

— Вы часто встречаетесь с читателями ваших книг, в том числе и молодыми. Как сами ощущаете: они в полной мере понимают, что такое фашизм!

— Наверное, до конца все-таки не понимают, и обвинять в этом, пожалуй, нельзя: людям, которые родились много позже Дня Победы, трудно вообразить себе зверный лик фашизма... Почему не устаю вспоминать о нем? Когда была во Франции, сын Мориса Тореза, Поль Торез, спросил меня в интервью: «Что бы вы делали, если бы однажды проснулись — и никакого фашизма, никаких угроз новой войны нет?» Ответила, что была бы самым счастливым человеком... Но пока, увы, реальность совсем иная.

Только три факта. Когда Пинючет пришел к власти, он сразу же создал при хунте нечто вроде нацистского гестапо — «Управление по расследованию коммунистической деятельности», во главе которого поставил бывшего штандартенфюрера гестапо, изобретателя «душугубок» Вальтера Рауффа. В канадском городе Торонто ныне преуспевает бывший сотрудник службы безопасности и СД в оккупированном фашистами Каунасе, палач этого города Альберт Раук. А в американском городе Кливленде преспокойно живет подручный палачей, предатель Иван Демьянюк... Да, многие гитлеровские подонки по сей день не только топчут землю, но и усердно служат новым хозяевам и в США, и в Канаде, и в некоторых странах Латинской Америки — это сейчас стало еще